

[Вот это прозрение. Неужели это тоже часть замысла Суда защиты самцов? Право самцов на неприкосновенность частной жизни возведено в абсолют различными юридическими уловками, но они никогда не объясняют, зачем это нужно, заставляя других гадать и строить догадки. Из-за страха вызвать недовольство высокородного господина, каждый самка перед свиданием вынужден ориентироваться на скудную информацию от Суда, пытаюсь угадать его мысли. Это же замкнутый круг, черт возьми!]

[Черт побери, так я и знал, что у Фит должен быть родной брат-самец!]

...

[Что происходит? У Фит лагает интернет?]

[Эй, вы там в развлекательных компаниях, вам вообще не стыдно за свои сервера? Ведущего снова подвисает из-за анимации донатов!]

[Отстойный интернет, сервера что, вручную собраны??] 21:25

[Пиксельный аватар ведущего все еще в сети, опять проверяет личные сообщения?]

[Ну что за дела, топ-10 донаторов, ну нельзя же отвлекать ведущего в разгаре стрима!]

[Господин Милан, Милан!!]

...

Прошло еще пять минут. Пиксельный человечек продолжал печатать, а большинство зрителей засыпали чат восторженными комментариями и донатами.

Лишь немногие выражали сомнения в стабильности подключения ведущего к галактической сети, но их предположения о возможных проблемах в его звездном секторе тонули в общем потоке.

[...]

Это было странное ощущение.

В 1600 году среди военных кланов считалось почетным услышать фразы вроде "ты храбр, как твоя мать", "справедлив, как отец" или "силен и решителен, как старший брат".

Это означало, что ты прошел путь от слабого существа до настоящего воина, обретя крепкую броню, подобно своим предкам, и заслужил право войти в круг сильнейших.

Но когда Милан сравнил меня с Джошко, я не почувствовал той радости и гордости, что испытывал раньше.

Я не Джошко. Я никогда не стремился подражать его методам. Идея принести в подарок форму Ос - целиком моя собственная.

Десять месяцев я день за днем изучал архивные записи о военном враче Милане, впитывая каждую строчку тех пожелтевших документов, пропуская через себя каждую деталь прошлого, чтобы сформировать собственное понимание.

Я никогда не планировал использовать Ос или выживших ветеранов в своих целях. После

опроса я отпустил их, предварительно замев все следы.

Во время исследований я обнаружил одну деталь: все социальные связи Милана в архивах числились мертвыми, а немногие оставшиеся находились под контролем его семьи.

Найти этих ветеранов было невероятно сложно. Если бы не мое предстоящее повышение до генерал-лейтенанта, расширяющее доступ к армейским архивам, мне бы никогда их не отыскать.

Я не пытаюсь оправдаться или обвинить Милана, но тогда я был слишком самоуверен, полагая, что стоит мне правильно выразить свои намерения, и он снова поймет, что у меня на уме.

Я не знаю, о чем думал Милан, увидев форму Ос, но его выражение лица заставило меня похолодеть.

...Что?

Нет, его глаза по-прежнему оставались слепыми, зрение не восстановилось.

Но в тот момент его вид буквально заставил меня содрогнуться.

Тонкие губы, резко очерченные скулы, нос и глазницы, выделяющиеся из-за болезненной худобы. Кожа, белая, как лепестки роз, от долгого отсутствия солнечного света. Иссиня-черные волосы, ухоженные слугами, ниспадающие на плечи, словно шелк, сотканный из ночи.

...Почему я почувствовал опасность?

Да, все это, безусловно, добавляло ему харизмы.

Но прежде всего стоит напомнить: Милан прослужил в Осах 20 лет. Объем его работы позволил ему, под личиной самки-среднего класса, дослужиться до звания бригадного генерала. Это означает, что через его руки прошли десятки тысяч жизней – одних он спасал, других отправлял на тот свет.

В отличие от меня, бойца, действующего в броне и строю, Милан в буквальном смысле решал судьбы своими скальпелями – день за днем, год за годом. Он знал лучше любого, как убивать, запугивать и калечить военных самок.

Он оттачивал это мастерство два десятилетия.

Даже будучи слепым, стоило ему продемонстрировать ту самую, присущую только "военному врачу Милану" беспощадность, и одного лишь выражения его лица хватило, чтобы я почувствовал, будто меня вот-вот вскроют.

Несмотря на то, что в Черной башне я был сильнейшим, способным за минуту перебить всех слуг, в тот момент Милан подавил меня одним лишь присутствием, лишив возможности пошевелиться.

Его красота была подобна темным волосам – совершенной и бездонной.]

[Твой друг-военврач подсказывает: Понял, иду брить голову налысо. Посмотрим, кто теперь осмелится искать замену военврачу!]

[В тот момент мое лицо оставалось бесстрастным, но усики предательски приподнялись,

изогнувшись в полу настороженной, полу испуганной позе.]

[Ну и храбрец!]

[...]

Мое молчание стало ответом на его холодные слова.

Милан, прислушавшись, велел слугам проводить гостя.

Покидая Черную башню, я чувствовал себя опустошенным. Раньше я почти никогда не плакал из-за личных переживаний.

Но тогда в груди стоял ком, глаза жгло, а все тело будто сковало невидимыми тисками. За эти несколько минут я словно лишился защитной оболочки, став беззащитным существом, для которого даже свет стал невыносим.

На мгновение мне захотелось сбросить с себя эту "оболочку старшего брата", предстать перед Миланом слабым созданием и сказать: "Я не Джошко. Этот подарок - от чистого сердца Джошуа".

Но мы с Джошко были слишком похожи - лица, фигуры, даже узоры на крыльях идентичные.

Сбросить эту оболочку оказалось невозможно. Впервые в жизни я ощутил неуверенность в будущем.

[На этом месте запись прерывается - Милан попросил сделать пятиминутный перерыв, так как у Джошуа снова началось эмоциональное возбуждение. Впрочем, на этот раз ситуация была не столь критичной, и вскоре интервью продолжилось.]

...

Банкет в честь сотрудничества Нового Альянса и Варша состоялся по расписанию, и я прибыл вовремя.

Как и ожидалось, первое появление Милана в свете в статусе господина вызвало бурные пересуды.

Он был в тяжелом парадном мундире, с черной вуалью на голове, сидя в инвалидном кресле. Я стоял позади, выполняя роль охранника и одновременно предупреждая возможных недоброжелателей.

Семья Варша не собиралась забывать о господине Милане после смерти Джошко.

Он по-прежнему оставался важной частью клана.

Прибыли и родственники Милана. Они явно удивились такому вниманию со стороны Варша, но быстро окружили его с дежурными улыбками.

Мой отец, супруги старших братьев и другие высокородные господа тоже подошли, образовав вокруг Милана светский кружок. Я знал - они хотели продемонстрировать свою поддержку.

О поведении семьи Милана я доложил еще десять месяцев назад.

Мать никогда не любила Новый Альянс, отец сочувствовал Милану, братья презирали методы Альянса, а мужа братьев, будучи значительно старше, относились к Милану почти как к собственному ребенку.

После их прихода мое присутствие стало излишним – я ведь не Джошко.

От этой мысли во мне закипела ярость, и, сообщив отцу, что вернусь по его зову, я с угрюмым видом удалился.

Мой острый слух уловил чей-то комментарий о моем скверном характере.

Кто-то сказал, что если Варша и ценили Милана, то мое возвращение в роли телохранителя – уже перебор. Мол, я мог затаить злобу из-за Джошко и даже поднять руку на Милана.

Я и правда был похож на Джошко – не только внешне, но и характером: такой же вспыльчивый и жестокий в военных вопросах.

Эти слова прозвучали для меня как вызов. Я резко остановился и обернулся, уставившись на того, кто осмелился предположить, что я способен ударить Милана.

В голове мелькнула лишь одна мысль: вырвать ему язык, вылечить, а затем допросить с пристрастием. И повторять процедуру, пока он не даст удовлетворительного объяснения.

Отец сразу заметил мою остановку и строго взглянул, жестом приказав идти на балкон, иначе он позовет мать или братьев, чтобы те скрутили меня.

Я рос с отцом до десяти лет и понимал каждый его взгляд.

Но я не пошел на балкон. Вместо этого я шагнул назад, зрачки сузились в вертикальные щели, и я уставился на обидчика – одного из самцов из семьи Нового Альянса. Поначалу он даже не понял, что я смотрю именно на него.

Когда до него дошло, он побледнел. В кругу вокруг Милана началось движение, несколько пожилых господ неодобрительно посмотрели в мою сторону, а охрана стала пробираться ко мне.]

[Стоп... Джошуа собирается вырвать язык господину??? Что???)

[Он же ранее штурмовал Черную башню с оружием! Для него такое поведение вполне... Черт возьми! Он что, врожденный психопат??? У него вообще нет инстинктивного запрета на насилие над самцами, все его ДНК-запрограммированные инстинкты ухаживания сфокусированы исключительно на Милане??? Для него другие самцы больше не обладают привилегиями???)

[Теперь я понимаю "Миллион перерождений". Джошуа – это ходячая аномалия.]

[Нормальные зерги так не поступают!]

[Фит любит смешивать реальные факты. Может, здесь использован биологический феномен "печати истинной любви"? В истории была знаменитая пара, та самая, что сбежала... Но генетика и исследования феромонов показывают, что печать влияет только на влюбленных. Еще не было случаев, чтобы затронутый печатью самка нападал на других господ. Фит, не искажай научные данные!]

[Смешно! Ты про исторические параллели? Ну-ка, объясни тогда поведение безумного такого-то!]

И вновь комментарии погрузились в хаотичные споры.

Случайный зритель: [Это же стрим Фит, почему тут сплошные лекции по истории и биологии? Что, сегодня в комментариях проходит конференция университета ХХХ?]

[Среди суеты я разглядел Милана в центре круга.

Он спокойно сидел в кресле, руки в черных кружевных перчатках сложены на животе.

Увидев это, я вспомнил черные кожаные перчатки, что он носил в бытность военврачом.

Слова ветерана эхом отозвались в памяти: "Господин Милан славился своей чистоплотностью – в день он использовал до 16 пар перчаток! В свободное время он тоже всегда носил перчатки. В те времена кожаные перчатки делали из шкур ХХ-зверей – они были жаркими и неудобными. Но в любую погоду господин Милан неизменно носил перчатки, застегивая мундир до последней пуговицы. Казалось, он вообще не способен потеть."

Внезапно шум банкета стих в моих ушах. Я увидел, как Милан слегка повернул голову в мою сторону, определяя мое местоположение по звуку. Черная вуаль соскользнула, обнажив бледное ухо.

Он "увидел" меня, повернулся, и вуаль вновь скрыла ухо. Его слепые глаза прятались за тканью, а яркий свет люстр мешал разглядеть выражение лица.

Окружающие слились в размытые силуэты, и на мгновение мне показалось, будто я перенесся в прошлое, и военврач Милан смотрит на меня из-за вуали своими черными глазами.

Я мгновенно успокоился.

Отец позвал меня дважды. Я откликнулся и покинул центр зала. Вскоре банкет продолжился, словно ничего не произошло.

Я вышел на балкон, и вскоре ко мне подошли несколько самок из военных семей.

Этот банкет был мероприятием для укрепления связей, поэтому присутствовало много военных, знакомых и с Джошко, и со мной.

Не имея настроения для беседы, я позволил им болтать вокруг, создавая видимость дружеского общения.

В то время я был перспективной фигурой для союзов, и их поведение не удивляло. Облокотившись на перила, я закурил, и лишь когда в разговоре мелькнуло имя Милана, я снова включился.

Один из самок, заметив мой интерес, толкнул меня локтем: "Нелегко ради такого дела возвращаться с фронта."

Самка с ежиком добавил: "Какой смысл в твоём присутствии? Джошко вложил столько сил в Новый Альянс, но из-за несчастного случая все его заслуги канули в Лету. По-моему, Варша стоило выторговать больше акций Альянса вместо того, чтобы поддерживать господина Милана. Ведь в итоге прибыль достанется не вашему клану."

Я не помню, из какого он был рода, но его мышление типично для военных – он ненавидел Новый Альянс и все, что с ним связано.

Он продолжил: "Вместо того чтобы оставлять доходы подписанту Милану, ваш клан мог бы взять контроль над ним. Ведь Джошко мертв, родня господина его не поддерживает, у него нет братьев – он просто часть наследства, как и те акции. Раз уж ты занял место Джошко в войсках, почему бы не унаследовать и господина..."

Я не дал ему договорить.

Резким ударом я отправил его на пол.

Остальные замерли в недоумении, попытались вмешаться, но после того, как я сбил с ног первого, они предпочли отступить.

Самка с ежиком, придя в себя, вскочил, требуя объяснений.

Но я был спокоен. Доставая из кармана белые перчатки, я мягко произнес: "На колени. Открой рот."

Почему мягко?

...

[Примечание автора: Джошуа молчал почти пять минут, видимо, собираясь с мыслями. Затем, взяв руку Милана, он честно рассказал о своих тогдашних чувствах.]

Потому что слова самки задели мои собственные, некогда поселившиеся во мне, темные мысли.

В самые отчаянные моменты я безумно хотел унаследовать все, что принадлежало Джошко, просто взять и присвоить.

Я не отрицаю – у меня скверный характер. Я легко выхожу из себя, а все, что касается Милана, вызывает у меня гиперчувствительность, как пузырь, который лопается от малейшего дуновения.

Слова самки попали в самую точку, задев мои давние, нерациональные желания, и даже несмотря на то, что это было давно, я почувствовал, будто меня уличили в преступлении.

Кто-то из присутствующих попытался заступиться: "Он просто беспокоится о твоих интересах, не хотел оскорбить память Джошко."

Все они думали, что я защищаю репутацию Джошко.

Весь мир видел во мне второго Джошко, весь мир считал, что я выйду из себя только из-за его имени.

Горечь снова сжала мое сердце. "Кем вы вообще считаете Милана?"

Надев перчатки, я размял пальцы, суставы хрустнули, а ткань натянулась, облекая каждый палец, приняв форму готовых к атаке когтей.

Я улыбнулся, как Джошко: "Повтори – и лишишься не только языка."

Самки замолчали. "Ежик" побледнел от злости, но больше не рискнул перечить.

В 27 лет я получил звание генерал-майора исключительно благодаря боевым заслугам – они не могли со мной тягаться.

Самка опустился на колени и открыл рот. Я действовал быстро, не дав ему издать звук – впрочем, он и не смог бы.

Медицина 1600 года была не столь совершенна. Даже после регенерации его голос уже не будет прежним, а значит, ему сложнее будет угодить какому-либо господину.

Сняв перчатки, я вытер окровавленные пальцы о его плечо: "Вам следует быть вежливее с господами. Если я еще раз услышу подобное..."

Я не стал продолжать, лишь похлопал по его спинному вооружению – предмету гордости и символу ухаживания у военных самок.

Самка сжался на полу, зажимая рот, остальные хранили молчание. Возможно, их напугала не столько жесткость наказания (по меркам 1600 года это было не так уж сурово), сколько моя непредсказуемость и решительность.

Чтобы не нарушать ход банкета, я вежливо предложил им продолжить беседу. Они заговорили, но атмосфера стала ледящей. Мне стало скучно, но я не мог уйти – при малейшем моем движении разговоры смолкали.

Это послужило сигналом. С тех пор на светских мероприятиях военных кланов никто не смел перечить Милану.

...

Я снова вернулся в родовое поместье в 29 лет.

К тому времени я уже был генерал-лейтенантом, а во второй половине года должен был получить звание генерала – всего в шаге от маршала, или, как его называют сейчас, командира отдельного корпуса.

По тем временам это было значительное достижение. Мои родители были счастливы и организовали множество свиданий, на некоторые я согласился.

Ни один господин не вызвал у меня особых чувств.]

[Черт возьми!] [В эпоху военной диктатуры любая сильная личность могла стать тираном. В наше время Джошуа чаще бывал бы в тюрьме, чем на работе!] [Не зря Фит предупреждал о вымысле, ха-ха!] [Юрист здесь: Спасибо, не надо. Наш факультет уже лет десять не изучает законы того времени – профессор говорит, что в них нет смысла. Но теперь... Ха-ха, кому через неделю сдавать две работы по 30 тысяч иероглифов о военном праве 1600 года?! В законах того времени и десяти тысяч не наберется! Где я возьму еще 50 тысяч?!]

[Родители забеспокоились, опасаясь, что без феромонов самцов у меня раньше времени начнется период угасания.

Я отмахивался, говоря, что все под контролем.

В моем сердце уже поселился холодный туман.

День за днем эта иллюзия согревала меня, проникая в руки, глаза, уста, даже желудок.

Этот прекрасный миф буквально питался моей жизненной силой – как я мог обращать внимание на других господ?

Все эти годы я не останавливался, расширяя зону влияния, создавая свои отряды и захватывая звездные сектора. Во мне теплилась надежда.

На этом одиноком пути я почти достиг звания генерала – и решил, что теперь имею право снова увидеть Милана.

Теперь у меня есть, о чем рассказать.

...

Я пришел к Черной башне на Рождество.

Время для Милана словно застыло – он сидел у окна, укутанный пледом, слушая вой ветра и метели.

На этот раз я принес подарки с передовой: клыки чудовищ, мягкие шкуры и модные безделушки.

После того как мои войска частично заменили отряды Джошко в столичном альянсе, я взял на себя обеспечение Милана, предоставляя ресурсы уровня генерала. Он жил куда лучше, чем при Джошко.

Хотя я знал – даже без моей помощи он бы не бедствовал. Все дивиденды от сотрудничества Джошко с Новым Альянсом принадлежали Милану, и он распоряжался ими куда разумнее, чем кто-либо в нашем клане мог предположить.]

[Ох, мой господин Милан... Так и хочется пройтись по его мерзкому семейству с мечом!]

[Срочно вступаю во Вторую армию – уничтожить всех ублюдков из Нового Альянса!]

[Каждые полгода я отправлял новый отряд телохранителей, но Милан никуда не выезжал, тихо проживая в Черной башне, словно неувядающий, но безжизненный цветок.

...

Наш разговор снова вышел прохладным.

На все мои темы Милан отвечал односложно, вежливо, но твердо завершая беседу. Он так естественно отстранялся, что я просто не знал, как продолжить.]

[Ха-ха-ха! Вот ты и попал! Наконец-то получил по заслугам! Возомнил себя невесть кем, а господин Милан тебя игнорирует!]

[Учитель Фит, срочно нужен мастер-класс! Как вести себя в такой ситуации? На прошлом свидании господин не проявил интереса ни к одной теме – вместо целого дня я вернулся уже к обеду T_T]

...

[Вскоре Милан попросил меня удалиться.]

[Ха-ха-ха-ха!!!]

...

[Я не двинулся с места.]

[Прикипел к стулу, да? Вставай уже!]

[Если бы он и правда прикипел, то только к самому господину Милану.]

...

[Темы для разговора иссякли, но уходить не хотелось, и я вдруг сообщил о предстоящем повышении.]

...

[Джошуа, ты снова наступил на грабли! Господам не интересны твои звания и количество убитых чудовищ!]

[Не факт! Господин Милан был военврачом, он поймет!]

[Это как в прошлый раз с формой Ос – господин давно отошел от дел, а ты лезешь в старые раны!]

[Эх, вы только вдумайтесь – за пять встреч он пять раз облажался. Джошуа, да ты просто ходячее воплощение анти-успеха!]

[Джошуа – ходячая машина для совершения преступлений. Только Фит мог так извратить ситуацию, выставив все опасные моменты как воспоминания. Чистой воды вымысел! Представляю, как судьи сейчас лихорадочно листают кодексы во время стрима – просто умора!]

[...]

Поначалу Милан просто слушал, не реагируя.

Я боялся, что стоит мне замолчать, как последует вежливое "до свидания", поэтому говорил без остановки.

...

В конце концов я добрался даже до возраста.

"Мне 29 лет. За два года я дорос от генерал-лейтенанта до кандидата в генералы. Еще два года – и я стану маршалом отдельного корпуса."

Я рассказывал о битвах, сухо, как в докладе, лишь бы продлить время.

Когда слова окончательно иссякли, я стал подобен свече, сгорая в надежде, что тепло башни не прогонит меня слишком быстро.

"В апреле я получил ранение в лицо и спину."

"Лечебные инъекции не затронули лицо, и четыре месяца я не трогал шрам."

"Он идет от челюсти через губу, заканчиваясь под левым глазом."

"Я также повредил одно крыло – яд чудовища разъял перепонку. Врачи сохранили основу, но часть перепонки пришлось удалить. Теперь крылья разной длины, а в холода болит позвоночник и спинное вооружение."

"Теперь мое лицо и крылья больше не похожи на Джошко."

На этот раз Милан не попросил меня уйти.

Наконец-то, как в мечтах, он заговорил первым.

"Какой идиот делал операцию? Сохранил основу крыла после отравления? Он что, хотел, чтобы ты долго мучился?"

Я был счастлив.]

[Он что, специально разыгрывал жертву???)

[Кажется, я начинаю понимать... Однообразные военные истории навевают скуку, но если добавить личные детали, вызывая у господина интерес...]

[С жалобами надо быть осторожнее – если переборщить, Суд защиты самцов вышвырнет меня еще до того, как господин проникнется!]

...

[Автор отмечает: на этом месте Джошуа получил шлепок от Милана.]

[...]

Все мои заготовленные темы не заинтересовали Милана, но моя беспомощность привлекла его внимание.

Он расспрашивал о лечении крыла, но я, после операции не следивший за состоянием, мало что мог сказать. Я уже был генерал-лейтенантом, редко участвуя в рукопашных, а узоры на крыльях больше не имели значения – я ведь никогда не буду использовать их для ухода.

Крылья остались без должного ухода, и мне было нечего ответить. Милан замолчал, и я понял – он вновь разочарован моей глупостью.

В отчаянии я расправил изуродованные крылья, костяные крючья с грохотом повалили несколько стульев.

Испуганные слуги бросились отгораживать Милана.

Я резко вскочил, заверив, что не собираюсь нападать.

Милан остановил слуг жестом и велел мне подойти.

"Покажи швы от операции."

На мгновение я забыл о его слепоте, застыв на месте, затем повернулся спиной и присел, подставив крылья.

Руки Милана коснулись повреждений, и прежде чем я успел что-то почувствовать, его пальцы нашли место, где удалили перепонку, и надавили. Боль пронзила меня, но он продолжил осмотр.

Он заговорил, спрашивая о размерах ранившего меня чудовища, эволюции их яда, современных медицинских инструментах.

Я, дрожа, отвечал. Некоторые вещи мне были неизвестны, и, сосредоточившись на воспоминаниях, я постепенно перестал замечать боль.

Не знаю, сколько времени прошло, но Милан велел убрать крылья и сказал, что пришлет мне письмо.

"После операции началось заражение, и ты его запустил. Сейчас часть нервов и сосудов срослись неправильно. Проверь скорость полета и подвижность крючьев. Позже я пришлю твоим врачам рекомендации для повторной операции – перепонка может частично восстановиться."

Тогда мой разум был пуст, но позже я понял – это была естественная реакция врача. Однако в тот момент я ощутил лишь одно.

Впервые за многие годы Милан проявил нечто, близкое к заботе.

Я содрогнулся, будто снова оказался в том моменте, когда впервые увидел его.

Мое сердце, эмоции, вся радость – все это превратилось в воду, которую я жаждал выплеснуть, не в силах остановиться.

Не знаю, как это вырвалось, но я сказал, что сегодня мой день рождения.

И попросил подарок.

Ощувив эту почти иллюзорную заботу, я стал жаден.

Стоя спиной, я повторил тише: "Милан, сегодня мой день рождения."

Впервые я осмелился назвать его по имени.

Милан не остался равнодушным: "Сегодня Рождество. Удачный день для рождения."

Он похлопал меня по спине, веля убрать крылья. Его голос, казалось, смягчился – или мне это почудилось.

"Тебе 29, в 30 ты станешь генералом. Возможно, к 40 ты будешь маршалом отдельного корпуса."

"Рождество – время чудес, Джошуа. Вылечи себя. Твои крылья в хорошем состоянии – после операции они почти полностью восстановят функциональность. Не растрать дар судьбы – ты его достоин."

Я считал свои крылья бесполезными, но Милан дал надежду.

Я замер, будто под гипнозом. Это была не только радость, но и ощущение, что судьба вновь улыбнулась мне.

Я хотел обернуться и обнять Милана, но он мгновенно сжал мою шею, вынуждая сохранять положение на коленях.

Впервые я испытал на себе силу военврача Милана. Его кожа была бледной, тело – исхудавшим, но пальцы сжимали мою шею с железной хваткой. Я не сомневался – стоит мне сделать лишнее движение, и он сломает мне позвоночник.

Я сам встал на колени. Сам подставил шею и крылья. Сам отдал себя в его руки.

Я был мерзок.

Вор, крадущий тотальный контроль, который Милан предназначал Джошко.

Возбуждение охватило меня, рот наполнился слюной.

Но я не смел позволить Милану это заметить. Поняв, что не справляюсь, я, не оборачиваясь, покинул Черную башню.]

[Если господин лично берется за самое уязвимое... Ну, любой самка без ОО-реакции – это же ОО, да?]

[Джошуа вообще проходил тренировки по сопротивлению феромонам?? Капля крови Милана – и у него жар, захват за шею – снова жар... Да у тебя вся кожа – одна сплошная эрогенная зона!]

[...]

Той ночью я ощутил невероятный прилив сил. Я составил план – стать маршалом как можно скорее, захватить свой звездный сектор.

Тогда я приглашу Милана жить со мной. Он получит все, чего пожелает.

...

[Джошуа прервал интервью на полчаса.]

Пиксельный человечек на стриме снова замер.

Сначала комментарии продолжали шутить, споря между собой, но через несколько минут появились жалобы на очередную задержку.

[Опять? "Знания", может, хватит экономить на серверах? Столько донатов собрали, а толку ноль!]

[Странно, обычно Фит делает только один перерыв. Может, дела?]

[Проверил объявление "Знаний" – с сетью всё в порядке. Наверное, проблемы на стороне Фита.]

[Разве Фит не в столичном альянсе? Они что, опять глушат сигнал?]

[Фит не в столице. Кстати, о глушении - Южный Крест недавно запрашивал временное отключение.]

[Не только Южный Крест - Полярная Звезда тоже. В не эвакуированных зонах уже начались стычки "Ос" и "Шершней". Чёрт, я живу в первых двадцати секторах Полярной - тоже под ударом.]

[Разве зоны боевых действий не определены?]

[Что поделаться - столкновения начались еще до официального объявления войны. Но хоть бои пока только на их территориях. Если затронут другие обитаемые планеты, Первая армия вмешается.]

Прежде чем обсуждение локаций и войны набрало обороты, модераторы быстро удалили сообщения, а пиксельный человечек возобновил печать.

[...]

Но та ночь оказалась последним подарком судьбы.

На следующий день после Рождества у Милана начался период угасания.]

[ЧТО???)

[Стоп, как так???)

Неожиданный поворот ошеломил зрителей. На две секунды чат замер, а затем взорвался лавиной сообщений, обрушив серверы "Знаний".

Технический отдел едко заметил: "Это же вы сами обрушили сеть!"

Вылетевшие зрители, лишённые возможности комментировать: ??? Может, вам всем уволиться и торговать тапками?

Стрим продолжился. Время в левом углу: 23:00.

<http://bllate.org/book/14684/1309763>